

Р. Г. Жамсаранова

КОНЦЕПТОСФЕРА МОНГОЛЬСКОЙ ЭТНОНИМИИ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена вопросам этимологии в сфере монгольской исторической этнонимии. При комплексном изучении исторических этнонимов выявляется концептуализация тотемно-анималистического видения номадного мировоззрения. Концептуальная картина мира кочевого монгольского мира лексически вербализована посредством самодийских языков (в частности селькупского), что согласуется с топонимическим субстратом в системе географических названий Восточного Забайкалья.

Ключевые слова: *этимология, исторические этнонимы монголов, комплексное исследование, концептуальная картина мира номадов, самодийский субстрат.*

Ономастика справедливо считается наукой, которая способна выявить не только прошлое региона или отдельного народа, но и информацию, обнаруживающую особенности менталитета. Особенно показательна в этом отношении семантика этнонимии субстратного происхождения, которая позволяет выявить языковую принадлежность прежнего населения, заселявшего в определенный исторический период тот или иной регион, и посредством реконструированного этимона она может представить номинативный признак с позиций диахронного мышления.

При этом топонимический субстрат способен обнаруживать моменты истинной и ложной (ошибочной) информации при этимологизации, что опосредуется рядом факторов. Более надежным источником для решения задач этногенетического и языкового установления автохтонного населения отдельной территории является этнонимия. При языковой интерпретации этнонима или генонима на первый план выступает информация этноментального плана, скрытая под оболочкой мифа, легенд и преданий.

Этимон этнонима или генонима представляет собой некий маркер, знак этносоциального происхождения. Знаковый характер этимона, однозначно обнаруживающий связь человека с окружающим его миром, концептуализирует в семантике этнонима этническое самосознание, или иначе самоопределение этноса в природе, характерное для менталитета номадов-кочевников.

Типичная для этнонимии дихотомия «свой/чужой» вербализуется в собственно самоназваниях этнонимах и экзонимах – именах прозвищного характера соседствующих родоплеменных групп иной этничности, иного языкового происхождения. При этом проявляется универсальный характер языка, когда в семантическом поле этимона родового названия лежит лексика определенного класса, позволяющая представить тотемно-анималистические воззрения этноса.

Этимологический анализ генонимных названий родов восточной группы бурят Нерчинского уезда

XVIII–XX вв. позволил констатировать вслед за Ц. Б. Цыдендамбаевым факт «небурятского происхождения» родовых имен хори-бурят vs восточных бурят. Изученная генонимия хори-бурят обнаружила лексико-семантическую параллель с родовыми названиями народов, совершенно не связанными, на первый взгляд, ни в этническом, ни в языковом отношении с бурятами.

Под хори-бурятами принято понимать восточную группу бурят, тогда как к собственно бурятам относятся племена западных бурят: «булагачины, кэрэмучины и, возможно, икиресы» [1, с. 192]. Предками современных хори-бурят vs хоринских бурят считаются *хори-туматы*. Посредством этимологического анализа названий одиннадцати родов хоринских бурят, имени собственного мифологического первопредка Хоридоя (одного из трех сыновей Баргу-батара) эпонимов Хори, Хоридой-мэргэн, Хорилартай-мэргэн, Ц. Б. Цыдендамбаев приходит к выводу о том, что подобная вариативность имен «представляет собой не что иное, как олицетворение соответствующего этнонима *хор-*». По поводу корня *хор-*, лежащего в основе многих названий монгольских племен: хорчин, хори-тумат, хурумши, курумчин, Ц. Б. Цыдендамбаев полагает, что *хор-* был общим именованим древних протомонгольских племен. Этимон второго компонента *тумат(ы)*, по-видимому, сопоставлялся с монгольским *тумээд* от апеллятива *түмэ(н)* 'десять тысяч, тьма' в качестве элемента множественности.

Этноним *хори-тумат* известен из летописного текста по истории монголов «Сокровенное сказание монголов». *Хори-туматы* относились к «Лесным» народам до 1207 г., когда «Чжочи был послан с войском... к Лесным народам», чтобы «принять под власть Монгольскую все Лесные народы» [2, с. 118–119]. Судя по изложенным событиям о покорении монголами «Лесных» народов, *хори-туматы* считались племенем многочисленным, независимым и искусным в боевых делах [2, с. 119]. О значимости и месте *хори-тумат* в среде других «Лесных» народов можно судить даже по доста-

точно подробному описанию их средневековым автором в тексте «Сокровенного сказания монголов».

Этноним *тумат(ы)* встречается у П. С. Палласа в записанном им калмыцком варианте об ойротах-дюрбютах. Г. Н. Потанин, ссылаясь на предание, записанное П. С. Палласом, пишет, что «...этот народ состоял из четырех племен Олють, Хоить, Тюмедь и Барга-Бурать» [3, с. 667]. Названия этих племен, согласно преданиям, соотносятся с именами собственными четырех братьев – сыновей легендарного Ойрот-хана. Упомянутый эпоним *Тюмедь*, как и племенное название одного из ойрот-дюрбютских племен Тюмедь, лексически сопоставляется со вторым компонентом племенного названия *хори-тумат* XII–XIII вв.

Предание косвенно объясняет этимологию этнонима *ойрот-дюрбют* посредством монгольского языка как *дөрвөөд ард* ‘четыре народа’, где *дөрвөөд* от монгольского *дөрөв/дөрвөн* ‘четыре’, *ойрод* от монгольского *ард/ардүүд* ‘народ, народность/народы, народности’ + монгольское *ой* ‘лес; лесной’. Поэтому в переводе этноним *ойрот-дюрбют* с монгольского языка означает ‘четыре лесных народа’. Практика деления монгольских племен северной Монголии на четыре сумына, поколения или подроды была подмечена еще Г. Н. Потаниным у тува-урянхайцев, киргизов, алтайцев и других племен.

Морфологическим показателем множественности монгольского языка в составе этнонима *Тюмедь* является, по-видимому, аффиксальное *-едь*, сопоставимое с монгольским *-ээд*, равно как и аффикс *-аад* генонимного *тумат*. Аффиксы монгольского языкового происхождения в этнонимах и генонимах служат своего рода маркерами политической этнической элиты, что позволяет предполагать функционирование этих названий в монгольский период исторической Даурии.

Также не исключено, что компонент *-едь* этнонима *Тюмедь* имеет семантическую параллель с тунгусо-маньчжурским *eti* ‘старик; тесть, свекор’ [4, с. 226]. Известно, что в составе этнонимов выделяются финальные компоненты со значением ‘человек, мужчина’, как, например, в татарском и селькупском языках: *-ар* в ониме *тат-ар*, *-куп* в ониме *сель-куп* ‘мужчина, человек’ [5]. Наличие тунгусо-маньчжурского аффикса в этнонимном *Тюмедь* ойрот-дюрбютов обусловлено исторической этноязыковой общностью монгольских и тунгусо-маньчжурских родоплеменных объединений.

Корневые основы *Тюм-едь* и *тум-ат* *тюм-/тум-* имеют, на наш взгляд, общее происхождение. Компоненты *тум-/тюм-* материально совпадают с компонентом *тюм-* самоназвания селькупов *тюмыкуп* ‘остяк, селькуп’. Селькупский этноним *чюмы~чюм~чюмэлгуп~тюмэльқон* ‘селькуп (остяк нарымский)’/сельк. д./ также обнаруживает в сво-

ем составе лексический элемент *тюм-/чюм-/сельк./*, «оформленный» аффиксами *эль /тюрк./* и *-гуп~қон* ‘человек’ /сельк./ . Первый компонент *тюм-/чюм-* материально совпадает с компонентом этнонима *тум* + *ээд/аад* > *Тюмедь*.

Семантический анализ корневых основ *чюм~тюм-* самоназвания селькупов *тюмэльқон~чюмэлгуп* ‘селькуп’ позволяет обнаружить материальное совпадение основы этнонима с апеллятивом *чюм-айнә~чумбунэ~чюмбэнэ~тюмбэнэ~тюмбнэ* ‘волк’ /сельк./ . Однако подобная семантика этнонима несколько противоречит устоявшемуся в науке мнению о «птичьем» происхождении родовых названий селькупов. Заметим, что исследователями отмечено наличие «птичьего» этимона селькупских родовых названий [6].

Это несоответствие может быть объяснено следующими соображениями. Не исключено, что в определенное историческое время этноним *тюмэльқон ~ чюмэлгуп* ‘селькуп’ являлся экзонимным названием, по всей видимости, какого-то тюркоязычного племени. Впоследствии экзоним *тюмэльқон ~ чюмэлгуп* стал употребляться в качестве уже этнонимного названия некоего племени собственно тюркского происхождения. При подобном соотношении временного порядка функционирования этнонима становится понятным выбор этимона с семантикой ‘волк’. Образ волка в качестве тотемного животного более приемлем для этнонимии тюрко-монгольских племен, нежели самодийских.

Обнаруживается материальное сходство и других лексических элементов селькупского этнонима *чюмэлгуп~тюмэльқон* с таковыми тюркского происхождения, подтверждающего наше мнение об экзонимном начале племенного названия. Так, конечный элемент *-эль* имеет сходство с древнетюркским апеллятивом *эль/el* ‘племя; народ; люди’ и восходит ко времени господства тюркоязычных племен.

К этому генонимному ряду с основой *чюм~тюм-* примыкает и этнонимное *чуолақум* ‘чулымец’ /кет. д. сельк./, где в качестве основы этнонима *чулымец/чуолақум* также вычленяется селькупское *чуол~чуоль*. Любопытно, что основа *чуол~чуоль* лексически совпадает с атрибутивом *чуол~чуоль* ‘земляной; глиняный’ /сельк./, что согласуется с мнением М. А. Кастрена об этимологии самоназвания *sysse-gom, schösch-kom, tschûmel-gop, tjûje-gom* как «человек страны» от *tschu, tju, sye* ‘глина, земля, страна’ томских самоедов [7, с. 279].

Лексическое сопоставление этнонимов *чюмэлгуп~тюмэльқон* с *чуолақум* и с *Тюмедь/тумат*, корневые основы которых обнаруживают лексико-семантическое совпадение с самодийским апеллятивом *чюманә* ‘волк’, позволяет вычленить общую

для всех этих лексем корневую основу *чю* со значениями 'земля, глина, страна' /сельк./.

Сопоставление лексем в семантическом плане позволяет выявить лексическую праформу, легшую в основу как апеллятивов, так и этнонимов экзонимного происхождения. Полагаем, что мотивировочным признаком этимона этнонимов *тюмэльқоп*, *чюлақум* стал факт этнографического прошлого самодийцев. Так, в селькупско-русском диалектном словаре указано, что «раньше остяки¹ в земляных карамо жили» [5, с. 290]. Тот же признак этнографического характера различим в основе слов *чумбунэ~чюмйнй* 'волк', которое при членении на составные лексические элементы селькупского *чю* 'земля' + *теанг* (-*әнй*) 'волк' с койбалского языка означает понятие 'зверь, живущий в земляной норе, т. е. волк'.

Попутно заметим, что возможным этимоном этнонима *монгол* может быть именно койбалский апеллятив *теанг* (-*әнй*) 'волк'. Языковое происхождение этнонима *монгол* свидетельствует в пользу древнего этнолингвистического сообщества на территории Северной Азии, которое со временем распалось на ряд таких племен, как, например, койбалы, которые относятся по языку к самодийским племенам Сибири.

Таким образом, версия о немонгольском языковом происхождении этнонимов *Тюмедь/тумат* подтверждается языковыми реалиями селькупского языка, что объясняет наличие достаточно частотного в количественном отношении самодийского топонимического субстрата в забайкальской топонимии.

Эти лексико-морфологические сопоставления позволяют выявить в дальнейшем и семантику корневой основы. Так, если полагать, что основы монгольского *Тюмедь* и селькупского *тюмкуп* 'селькуп' идентичны, а значит, и сопоставимы как названия одного языкового происхождения, то возможно связать этническое начало племени *Тюмедь* монголов XIX в. Северной Монголии с могущественными *туматами* «Лесных» народов IX–X вв. «Сокровенного сказания монголов».

По-видимому, этническое начало *хори-туматов* IX–X вв. было связано с самодоязычными племенами, что зафиксировалось в этнониме *тумаад* vs *Тюмеэд/Тюмедь*. Опираясь на справедливое мнение Ц. Б. Цыдендамбаева о том, что *хори-туматы* – это далекие предки хоринских бурят, полагаем, что этноним *тумат(ы)* со временем был заменен на экзоним *бурят(ы)*². В правомерности подобного сопоставления Тюмедь Г. Н. Потанина и

туматов, как далеких предков современных *хори-бурят*, убеждает и факт наличия в составе средневековых ойротов племени Барга-Бурать.

Упомянутые Г. Н. Потаниным племена Барга-Бурать и Тюмедь были связаны какими-то давними родственными узами. Гипотетически это суждение основано на этимологическом анализе основ этнонимных Бурят и Тюмедь, где *bur'e* /тюрк./ + *ад* /монг./ и *тюм* /сельк./ + *эд* /монг./, семантически восходят к тотемному апеллятиву 'волк'. Тотемное 'волк' стало основой на древнетюркском языке для этнонима Бурать vs Бурят как и для этнонима Тюмедь – на селькупском языке. Тотемическое название выявило и обозначило таким образом тюрко-самодийский этнический элемент в племенном объединении ойратов.

В связи с этими соображениями, иллюстрирующими не только факт этнографического прошлого самодийцев, опосредовавшего семантику корневых основ этнонимов, но и моменты историко-культурных связей племен, проявившихся в «миграции» этнонима, возможно связать древних предков *тюмэльқоп~чюмэлгун* с черноречными мукрийцами. Под этим именем понимают племена V–VIII вв. Приамурья. Племена мукри вели полукочевой образ жизни с соответствующим типом жилищ. «Согласно письменным источникам, черноречные мукрийцы зимой проживали в землянках. Последние представляли собой впущенные в землю ямы, над которыми устанавливались в козлы плахи, покрывавшиеся затем сверху толстым слоем земли и, возможно, дерном» [8, с. 73].

Поздними потомками мукрийцев являлись чжурчжени, поселения и городища которых обнаруживают остатки таких же, как у мукри, жилищ земляночного и полуземляночного типа в бассейне Амура [8, с. 72–74]. Чжурчжени занимали территорию Приамурья в средние века, оставив после себя богатое культурное наследие. Существуют мнения ученых о возможности связей предков селькупов с древними насельниками Приамурья, в частности с чжурчженями [9].

На основании этих сопоставлений данных археологии и лингвистики, позволяющих соотнести определенный период истории приамурских племен с определенными этнонимами, высвечивается древний возраст онима, имеющего этимоном понятие 'зверь, живущий в земляной норе, т. е. волк'. В отечественной историографии фактов, доказывающих древнюю локализацию предков самодийцев в Приамурье, пока нет. Однако отдельные исследования, позволяющие косвенно объективизировать

¹ В прошлом селькупов называли и остяками [Долгих, 1960].

² Если иметь в виду, что этноним *бурят* иного языкового происхождения, не монголоязычного, а потому обозначающего другое этноязыковое сообщество.

наши предположения о былой локализации предков южных самодийцев (или их контактах), могут быть представлены в работах археологов.

Так, о древних связях и культурных контактах Приамурья и Енисея на примере территориального распространения масок-личинок пишут археологи. Е. А. Окладникова пишет, что «...удалось отметить сюжетное сходство петроглифов, изображающих маски-личинки» на территории от Сакачи-Аляня и Ангары до Мугур-Саргола-Чинге на Енисее, Томи и Урала. Это явление можно объяснить двумя причинами. «Сходные черты личинок на петроглифах и само их наличие свидетельствует о конвергенции. Или имели место древние контакты между теми, кто оставил петроглифы Амура, Ангары – Енисея – Томи и Урала (Вишеры), т. е. существовали условия для миграции сюжетов от Тихого океана на Запад» [10, с. 83].

А. П. Окладников предполагает, что сходство антропоморфных изображений-масок Приамурья, Ангары, Томских скал и Урала объяснимо древними контактами населения Минусинской котловины с насельниками Амура. По его словам, эти культуры близки с глазковской культурой ранней бронзы Прибайкалья. На основе этих выводов и фактов археологи не исключают возможность контактов между амурскими и енисейскими племенами [10, с. 85].

Вышесказанное согласуется и с нашими данными, предполагающими наличие древних этнических контактов. Лингвистический анализ и сопоставление этнонимных названий племен средневекового периода исторической Даурии, монголов XIX в. Северной Монголии с племенным названием монгольских хори-бурят позволяет обнаружить не только их этноязыковое родство и общность, но и далекое этническое начало. Этимология этнонима иллюстрирует и историю названия, бывшего когда-то этнонимом, впоследствии экзонимом. Тем не менее характерным и типичным признаком этнонимных средневековых названий *тумат(ы)*, равно как и бурят(ы), древних *тумэльқоп* ~ *чюмэлгуп* ‘селькуп’, *чулымец* является тотемное начало, связанное с образом волка.

Исторический этноним *хори-тумат*, самоназвание восточной группы бурят – *хори-буряты* в качестве первого компонента имеют апеллятивное *хор-/хори-*, служащее атрибутивом основного элемента *буряад*. Ц. Б. Цыдендамбаев считает *хор-* «частным (или ведомым)» в этнониме, склоняясь в пользу версии, предложенной в свое время Г. Н. Румянцевым, согласно которой «*хор*, вероятно, было общим наименованием большой группы древних протомонгольских племен, расселенных на большом пространстве от Прибайкалья до Восточной Монголии» [1, с. 221]. Не отрицая социальной роли этнонимов с компонентом *хор-*, предпо-

лагающим его собирательное значение, допускаем наличие отдельного этимологического значения элемента *хор-*, имеющегося не только в этнонимах, но и в именах собственных, как-то: Хорилартай-мэргэн, Хоридой, Хорчи и проч.

Как мы ранее писали, апеллятив *кор* (*gor*) в селькупском языке имеет значения ‘самец, жеребец’, обозначая, таким образом, понятие мужского начала вообще [11, с. 99]. От этого апеллятива в селькупском языке образованы лексемы: *корг*, *корқэ* ‘медведь’; *корнэ* ‘заяц-самец’; *корока* ‘жеребенок’; *кор/кур* ‘горностай, колонок’; *кор* ‘селезень’; *корря* ‘ворон’; *хорсыр* ‘бык’; *квэ кор* ‘осетр’ т. д. В языке ханты *кор/хор* означает ‘олений бык, самец’. В селькупском диалектном *қоры/қоррэ* /кет. д./ имеет значения ‘мужская сила, мужская душа, самец, бык, жеребец, большой олень, главарь стада’; *қорқум* ‘мужчина’, *қорқоқ* ‘тетерев-самец’, *қорэчюнд* ‘мерин’ [5]. Как видно, элемент *кор/хор*, означающий самца, т. е. мужское начало, наличествует во многих языках народов Сибири, обнаруживая древнее семантическое начало.

В этой интерпретации элемент *хор-/хори-* приобретает вполне адекватную семантическую «расшифровку», органично вписываясь в древние модели не только этнонимных названий, но и имен собственных мифических предков, прародителей-мужчин рода или племени.

Естественно, что для реконструируемого древнего этнического сообщества типичным будет название с присутствием лексического элемента, подчеркивающего его мужское начало. В этом аспекте древний этноним *хори-тумат* возможно трактовать буквально как ‘мужчины-волк(и)’ /сельк./, как и этноним *хори-буряты* – также дословное ‘мужчины-волк(и)’ /тюрк./. Тожественным по этимону *хори-тумат* и *хори-бурят* будет этноним *хорчин*, где второй элемент *-чи(н)* лексически сопоставим с начальным слоговым *chi(n)*-письменно-монгольского *chinu=a* ‘волк’. Это сопоставление позволяет трактовать этноним *хорчин* буквально ‘мужчина-волк’.

Семантическое совпадение этих этнонимов, имеющих в качестве первого компонента самодийское *кор-/хор-*, иллюстрирует определенную степень объективности предлагаемой нами версии о языковом происхождении этнонимного *хор-/хори-*. Семантическое значение этнонимных *хор-/хори-* позволяет предполагать как его широкое употребление в качестве самоназвания, так и частотность использования в лексике многих языков народов Сибири в качестве обозначения мужского (самцового) начала.

Хакасы, потомки средневековых кыргызов, имеют в качестве самоназвания этноним *хоорай*. В. Я. Бутанаев пишет, что «хоорай есть стяженная

форма от хонгорай. В письменных источниках XVIII в. Хакасия именуется Хонгорой» [12, с. 124]. Восточная ветвь кыргызов называлась *хори*, у современных Саха-якутов имеется род *хори*, что лексически совпадает с этнонимом восточной группы бурят – хори-бурят. Очевидно, что апеллатив *кор-/хор-* имеет широкое распространение в качестве элемента этнонимных названий народов Сибири. Таким образом, элемент *кор-/хор-* представляет собой доэтнонимическое значение этнонимов *хоритумат*, *хори-бурят*. Выявленная семантика *хор-/хори-*, обозначающая мужское начало, доказывает древность происхождения племенных названий с данными элементами.

Этимология этнонима *баргут*, упоминаемого в тексте «Сокровенного сказания монголов» как Бархуны, а также монгольское племя *баргутов*, подробно описанное в известном труде Г. Н. Потанина «Путешествие по Северо-Западной Монголии» [3], может быть связана с другими языками, не только с монгольскими. Это мнение опосредовано многими факторами, в том числе и относительной древностью этнонима. Поэтому вполне обоснованно обратиться за расшифровкой этого этнонима, известного по многим источникам, к языкам, лексика которых представляет собой субстрат в региональной ономастике, в частности к самодийским.

Полагая лексико-семантическую идентичность корневых основ *Бархун* и *баргут*, попробуем выявить этимон этих этнонимов. Так, суффиксальное *-ут* в названии *баргут* представляется возможным соотносить с аффиксом множественности монгольского языка *-ууд* этнонимного *баргууд*, что обусловлено функционированием этнонима в монгольский период истории бытования этнонима.

Исходя из того, что основа этнонимов *Бархун* и *баргут* является лексемой иного языкового происхождения, нежели монгольская, сопоставим с этими именами лексемы *паргэлты* /сельк. кет. д./ ‘татарин’, *парбыл тыгла* /сельк. кет. д./ ‘карагасы’, в которых можно вычленил компонент *пар(г/б)-* vs монголоязычное *бар(х/г)-*. В селькупских онимах корневое *пар-/парг-*, «оформленное», по-видимому, тюркским словом *эл/эль* ‘племя, народ’, являлось экзонимом со значением ‘татарин’ в самодийских языках. Правдоподобность данной версии подтверждается наличием в селькупском языке лексем *варқ-варга-ворқ-вэргы* /сельк. кет. д./ ‘старший, большой, великий’, позволяющее предполагать то, что этнонимы *Бархун* и *баргут* имеют в корневой основе селькупский атрибутив *варқ-варга* со значением «старший, большой» [5]. В селькупском языке функционирует ряд таких словосочетаний, как *варга ада* ‘олень-вожак’; *варгакут* ‘правитель, старшина (старший в роду)’; *варгол* ~ *варголд* ‘царь, правитель, шаман, старши-

на (старший в роду), хозяин’ [5, с. 23]. Семантика этих словосочетаний с *варга* выявляет не только архаичность лексем, но и использование этого атрибутива для обозначения понятий старшего в роду, «старшины» в статусе правителя.

Возможно, что этноним *баргут* монгольского периода ранее, в тюркскую эпоху, имел лексическую форму, близкую экзонимным названиям татар *паргэлты* и *парбыл тыгла* [5, с. 180]. В этом случае собственное этимологическое значение онима *баргут* ~ *баргууд* будет ‘татар(ы)’. По всей видимости, этим экзонимом в самодийских языках обозначались тюркские племена. Лексическое сопоставление селькупского *варга* и монгольского *барга* позволяет выявить не только языковое происхождение лексемы *барга* монгольских языков, но и отнести производные названия от этой основы – *Бархун*, *баргут*, *паргэлты* и *парбыл тыгла* – к этнонимам-экзонимам, которые возникли на самодийской языковой почве.

Полагая лексическое тождество этнонимов *баргут* и *Бархун*, считаем, что в онимическом *Бархун* различимы компоненты: *бар(х)-* vs самодийское *пар(г)-*. Конечный элемент этнонима *Бархун* *-хун* небезынтересно сопоставить с имяобразующим аффиксом *-ку¹η* тунгусо-маньчжурских языков. Аффикс *-ку¹η* в большинстве языков развился в *-кин*, а в маньчжурском и чжурчженском языках – в *-хун* [13, с. 183–184]. Потому оним *Бархун* относим к опота древнего происхождения, восходящего к временам древних чжурчженей, на что указывает аффиксальная форма *-хун* этнонимного *Бархун*.

Как пишет Ц. Б. Цыдендамбаев, «...тюрки называли баргутов байырки» [1, с. 279]. По семантическому значению экзониму байырки, означющему ‘примитивный, стародавний’ (см. ссылку Ц. Б. Цыдендамбаева на Киргизско-русский словарь, 1965), соответствует монгольское *барга* ‘грубый, примитивный, стародавний, патриарх’. Сопоставление *байырки* и *барга* «высвечивает» временную давность, древний «возраст» онима *баргут*, что подтверждается атрибутивом *барга* в значении чего-то «стародавнего». По-видимому, этноним *баргут* вначале являлся экзонимным названием тюркоязычных татар у самодийцев, а позже превратился в название одного из племен некогда могущественной конфедерации племен *байырки* в *баргутов*, а позднее в *барга-бурят*. Наряду с *баргутами* Г. Н. Потанин упоминает и оним *барга-бурят* [3, с. 447, 322, 325].

Наличие в этнонимах *паргэлты*, *парбыл тыгла*, а также в лексически тождественных онимах *баргут* и *Бархун*, послекорневых *-г/-б-* и/или *-г/-х-* объясняемо из средств современного селькупского языка, в котором наблюдается явление эпентезы.

Поэтому образование «вставок» в этнонимах обусловлено через посредство какого-то языка, родственного современному селькупскому.

Появление экзонимного по своему языковому происхождению и функционированию онима *баргут* произошло, по всей видимости, в домонгольскую эпоху истории Даурии. Тюркоязычные племена, ассимилированные впоследствии монголами, с потерей своего господствующего положения в пределах северо-западных окраин Центральной Азии утратили и свои племенные названия. При монголах *баргуты* стали одним из восточномонгольских племен, обитавших в описываемый Г. Н. Потаниным период – XIX в. (1899 г.) в Маньчжурии.

Название *барга-бурят* могло обозначать некое племя, которое по своему этническому происхождению было близко к тюркоязычным племенам, некогда населявшим Даурию. Во всяком случае, условная этноязыковая однородность *баргутов* и *барга-бурят* во временном сопоставлении представляется более очевидной. Вероятность временной давности этнонима *бурят*, имеющего тотемное тюркоязычное начало, обусловлена и лексемой *барга-*, имеющей уточняющий характер. «Стародавними» могли быть племена, носящие этноним *бурят(ы)*, имеющий тюркоязычное происхождение, тогда как собственно этноним *монголы*, появившийся в более позднее историческое время и по этой причине не могущий считаться «стародавним», не имеет атрибутивного значения «стародавний».

В подобной интерпретации выявляется коннотативная суть этнонима *баргут*, которая как, впрочем, и все подобные этнонимы является онимом, несущим «социальную» семантическую нагрузку. Функционируя в качестве соционима, этноним *баргут* объединял не только племена тюркоязычные, но и части других трайбов, имеющих иное этноязыковое происхождение. В период монгольского владычества *баргуты*, так же собственно, как и *буряты*, утратив свое доминирующее положение в Северной Азии, превратились в монгольское племя окраинных территорий монгольской империи.

Неоднородность этнического состава хори-бурят, равно как и тунгусов Даурии, косвенно подтверждается археологами. Так, выделенный комплекс дарасунской археологической культуры «с их явно выраженными тюркскими элементами заставляют придерживаться гипотезы об их принадлежности к байырки, их территория давнего обитания совпадает с распространением памятников дарасунской культуры» [14, с. 70–71] – VII–IX вв. н. э.

Среди погребений этого периода выделяется ряд захоронений, которые на основании датировки ряда артефактов хронологически совпадают со временем Уйгурского каганата (2-я пол. VIII – 1-я пол. IX вв. н. э.). Близка к дарасунской ундугунская археологическая культура Забайкалья, хотя некоторые результаты натолкнули археологов отнести ундугунскую культуру к «той части восточно-забайкальских племен, которые упоминаются в различных источниках под названием «Лесных» народов («диких да-да» – «татар»)» [14, с. 78]. Носителей ундугунской культуры, поливариантной, без сомнения, археологи относят к предкам «конных эвенков», которых они считают «генетическими родственниками чжурчженей». Однако ономастические и этнолингвистические данные, полученные в результате обследования Восточного Забайкалья в последнее десятилетие, позволяют усомниться в этнической принадлежности ундугунской культуры, за исключением мнения об отнесении ундугунцев к чжурчженям. Специфика ундугунской культуры – захоронения в лодках-долбленках, например, наряду с ареалом самодийских топонимов в районе озер Ивано-Арахлейской системы, где и расположены озера Большой Ундугун и Малый Ундугун¹ – предполагают наличие иного этнического субстрата, нежели эвенкийского [15, с. 29–30].

Тем не менее справедливо заключение археологов о том, что «дарасунский комплекс, включающий бурхотуйскую и ундугунскую культуры, фиксирует сложную этническую обстановку, сложившуюся в Забайкалье в I тыс. н. э. – сер. II тыс. н. э., когда в своеобразном этническом котле происходила «переплавка» тюркоязычных, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов» [14, с. 82]. Объективно мнение и А. Д. Цыбиктарова о том, что «бурхотуйская, дарасунская, раннемонгольская и ундугунская культуры отразили в себе сложные этнокультурные процессы, происходившие на стыке степей Центральной Азии с южной окраиной восточносибирской тайги» [16, с. 253].

В этих условиях происходило историческое формирование бурятской народности, статус отдельного народа получен с XVII в. Этногенетические корни народности уходят далеко в глубь веков и связаны с историей далеких предков современных этносов Сибири и Северной Азии в целом. Этимология первых компонентов этнонимных названий *хори-тумат*, *хори-бурят*, *баргут*, связанная с понятием тотемного предка монгольских племен, обнаруживает самодийское языковое происхождение.

¹ Лимноним Ундугун является, на наш взгляд, названием самодийского языкового происхождения. См.: Жамсаранова, 2007 // Языковая картина Восточного Забайкалья. Гл. 3.

Сокращения

кет. д. – кетский диалект, сельк. – селькупский язык, сельк. д. – селькупские диалекты.

Список литературы

1. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972. 662 с.
2. Козин С. А. Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 318 с.
3. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. 1024 с.
4. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. 298 с.
5. Селькупско-русский диалектный словарь / под. ред. проф. В. В. Быконя. Томск, 2005.
6. Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 8–25.
7. Бутанаев В. Я. Этнокультурные связи хакасов с населением Прибайкалья в эпоху позднего Средневековья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 123–125.
8. Тучкова Н. А., Байдак А. В., Максимова Н. П. Южноселькупская этнонимика // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск: ТГУ, 2005. С. 279–282.
9. Шавкунов Э. В. Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
10. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 422 с.
11. Окладникова Е. А. Загадочные личины двух материков и петроглифы Урала // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 74–85.
12. Жамсаранова Р. Г. Об основных этнонимах бурят // История языка – история народа: сб. ст. Чита: ЧитГУ, 2004. С. 97–102, 100.
13. Бутанаев В. Я. Этнокультурные связи хакасов с населением Прибайкалья в эпоху позднего Средневековья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 123–125.
13. Новикова К. А. К этимологии названий собаки в тунгусо-маньчжурских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 176–190.
14. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск, 2000. 176 с.
15. Жамсаранова Р. Г. Географические имена собственные Восточного Забайкалья: уч. пособие. Чита, 2005. 208 с.
16. Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). 2-е изд. Улан-Удэ, 2001. 266 с.

Жамсаранова Р. Г., старший научный сотрудник, доцент кафедры, кандидат филологических наук.

Читинский государственный университет.

Ул. Александрo-Заводская, 30, г. Чита, Читинская область, Россия, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.05.2010.

R. G. Zhamsaranova

THE CONCEPTUAL SPHERE OF MONGOL ETHNONIMS IN THE ASPECT OF ETHNO LINGUISTICS

The article is devoted to the questions of etymology of some ancient Mongol tribal names. By the complex investigation of the semantic complements of the mongol and buryat ethnonyms the conceptual picture of the nomadic world is revealed. In fact the conceptuality is transferred by the lexical items of samoyedish languages (for instance, selkup language), which is in conformity with samoyedish substrate in the system of geographical proper names of Transbaikalye.

Key words: *etymology; some ancient Mongol tribal names; the complex investigation; the conceptual picture of the nomadic world; samoyedish substrate.*

Chita State University.

Ul. Aleksandro-Zavodskaya, 30, Chita, Chita oblast, Russia, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru